

Гул шагов грозно и безапелляционно нарастал. Невидимые пятки редко били в тропинку из фанерных щитов. Костя сосредоточился на звуках, отчето они стали казаться тревожным боем индейского барабана.

– Ну вот и все, – прошептал Костя и с тоской посмотрел на молодую луну. – Кончилось свидание.

Хотел было сразу уйти, но решил выждать. Может, повезет, и пришелец долго здесь не задержится или вообще – пройдет мимо. Грохот сменился едва слышным шорохом – незваный гость перешел на траву, а значит, скоро проявится. Окрестности, особенно река внизу, тонули в густых тенях, но лысая макушка холма хорошо освещалась по-осеннему ярким звездно-лунным светом. Костя вглядывался в темную кайму поляны. Вот от нее отделилась тень. Свет мгновенно выбелил ее. Девушка. Она огляделась (зачем? Один черт ничего не разглядеть...) и вприпрыжку двинулась к центру поляны. Решив, что она здесь одна, гостья запрокинула голову и раскинула руки в стороны, словно на ней не было куртки и небо не дырявило звезды. Косте это понравилось, но в то же время стало немного неловко подглядывать за странными, даже интимными лунными ваннами.

– Ну, здравствуй, – тихонько проговорила девушка.

– Привет! – не удержался Костя.

Вскрик, нелепый прыжок спиной вперед, попытка развеять густую ночь внимательным взглядом.

– Извините, не хотел напугать. – Костя спрыгнул со скалы, на которой сидел, и спешно вышел на свет.

Первый страх прошел. Девушка достала телефон, и беспощадный луч фонаря ударил Косте в лицо.

– Жестоко. – Он зажмурился и стал тереть глаза.

– Сами виноваты.

– Это чем же?

– Напугали меня.

– Испугались вы сами. Я просто поздоровался.

Будьте добры, уберите.

Девушка продолжала светить Косте в лицо.

– А вдруг вы нападете на меня?

– Если не прекратите – точно нападу.

Костя вдруг осознал, что рисуется, сам длит эту неприятность. Он развернулся, проморгался и пошел обратно к огромному валуну.

– А фонарь все же погасите. Раз пришли, то хоть не мешайте, – попросил он, располагаясь на скале.

Девушка переминалась в нерешительности, но все же выключила фонарь, и на поляне вновь возобновилась безмятежная ночь, еще более темная в обожженных светом глазах.

Костя разглядывал ее из темноты своего убежища. По ее коротким скованным движениям было понятно, что ей неловко и она не знает, уйти или остаться.

– Зря вы там стоите. Трава уже влажная. Ноги промочите. Заболеете...

– А можно к вам?

Костя достал телефон и высветил свой пьедестал.

– Забирайтесь.

Хотелось уединения, но именно этим отчасти и привлекало одиночество – что кто-то может заставить его за созерцанием бытия, увидеть в нем носителя тяжелых дум и восхититься. Неплохо начать разговор, когда собеседник априори считает, что у тебя может быть свое, обдуманное мнение, когда ты еще ничего и не сказал. Ты выше. Если человек кажется интересным – ты снисходишь, соглашаешься. Если нет – с видом оскорбленным оттого, что уединение нарушено, неделикатно просишь оставить тебя или уходишь...

Девушка была симпатичной, насколько Костя смог ее рассмотреть. И голос у нее был приятный по-особому. Он как будто был скомпилирован из нескольких дано знакомых голосов, очень близких, и эти звуки располагали Костю помимо воли.

– Не такой холодный, как я думала.

– Да. Не гранит... и день был солнечный, – зачем-то проговорил очевидное Костя. – Меня зовут Костя.

– Карина.

– Карина, – повторил Костя.

– Да?

– Это... нет. Я просто так. Пробую имя. Карина. Катерина и Ирина.

Карина молча отвернулась и уставилась в темноту. Косте хотелось говорить, но все, что приходило в голову, казалось банальным и нелепым, куда менее интересным, чем прохладное безгололье ночи (ничтожный повод, чтобы рушить монументальность этой тишины). Стало неуютно. Десять минут назад он смотрел на черное пыльное небо, глубоко в него, в космос, путешествовал по этой красоте, занырявая в фантазии и воспоминания. Этот калейдоскоп так увлекал, что Костя сидел неподвижно, не обращая внимания на затекшие ноги. А теперь он с диким усилием ставит мысли на рельсы этических размышлений: уместно ли заговорить? Как понимать ее молчание – может, она тоже хочет поговорить и так же не решается из стеснения, страха?

Но раз за разом мысли сбивались, врезааясь в собеседницу: ее духи, чуть слышное дыхание.

Она зашелестела курткой, заерзала.

– Все-таки холодновато.

Костя обернулся. Карина подпихнула под себя ладони.

– Встань. На вот, подложи.

Костя приподнялся и растянул из-под себя настлапника.

У нее было обручальное кольцо, но он все равно спросил.

– А ты?

– А мне замуж ориентация не позволяет.

– Не смешно.

– Ничутьточки?

Карина покачала головой.

– Ну и ладно, – демонстративно вздохнул Костя и продекламировал: «Но я останусь верен себе и продолжу глупо шутить».

– Какой же ты клоун.

Костя рассмеялся.

– Потому и не женат. Не намерен прогибаться ради женщины!

– Прекрати. А то уйду.

Карина, сама испугавшись своих слов, резко замолчала. Костя напряженно вслушивался в нее, но девушка умолкла, даже дышать стала тише; как будто в многоэтажке среди ночи разом погасли все окна и дом растворился в беззвучном городском небе.

– Я последнее время боюсь звездного неба.

Он специально искал в голове какую-то нетривиальную мысль и сооружал фразу-катализатор, но Карина промолчала. В этой неловкости и неудобстве Костя разом ощутил затекшие ноги и озябшую спину. Он выждал время и продолжил без ее вопроса.

– Там ведь есть кто-то. Это уже не просто предположение. Выкладок много и весьма убедительных теорий. И когда думаешь, что все, что писали Брэдбери и Стругацкие, не такая уж фантастика, становится тоскливо. Оттого, что я этого не застану. Что фактически «рано или поздно» при нынешнем состоянии дел – звучит как «не в этой жизни». С другой стороны, мечтать о новых планетах, когда свою-то нормально не посмотреть, – это еще грустнее.

– Я замерзла.

Костя мысленно поблагодарил ее за деликатность. Монолог и впрямь вышел унылым.

Костя сдвинулся назад, смежив их спины.

– Так будет теплее, – сказал он и просительно добавил: – Не хочу уходить.

Спина Карины была удивительно горячей, и он прогнулся и расправил плечи, стараясь соприкоснуться с ней как можно шире. Интересно, его тепло она ощущает так же?

Скоро похолодало еще сильнее. На этот раз Карина ничего не сказала, но Костя отдал ей свою куртку.

- Может, просто пойдём?
- Есть идея получше. – Он спрыгнул с камня. За-текшие ноги не слушались, и он едва не сломал лодыжку. – Разведем костер.
- А если будут ругаться? Все-таки мы на террито-рии пансионата...
- Ну... мы повинимся, раскаемся и пообещаем боль-ше так не делать.

По поляне заплесал свет фонаря. Через пять ми-нут Костя с видом знатока тщательно укладывал мелкие хрусткие ветки «колодцем».

- Нам бы еще бумажку какую-то. – Он обернулся на Карину.

Та протянула ему бумажный носовой платок.

Через минуту огонь установился, и Костя стал ломать в него толстые сучья.

- Так значительно лучше. – Карина нагнулась и протянула руки к огню.
- Давно надо было. Не хотелось портить пейзаж.

Карина огляделась – огонь высветил небольшой круг поляны, но за границами круга темнота стала гуще, отменив весь остальной мир.

- Очень красиво. И тепло.

Костя сидел на корточках у самого огня. Карина сторонилась пахучего едкого дыма.

- Тебе не холодно?

– Нет. А тебе?

- Лицо и колени горят, а спина мерзнет.

Карина подошла сзади, прижав ноги к его спине. На замерзшую спину словно вылили ковш сильно теп-лой воды. По коже пробежали мурашки. И Костя слегка откинулся на Каринины ноги, как на спинку кресла.

- Спасибо.

– А я вот всего несколько раз в жизни сидела у ночного костра. Детство в городе. Никаких пионерлагерей, походов и дач. Раз в год – на море.

Костя промолчал и снова удивился сам себе.

В его жизни были сотни ночных костров, и он мог бы часами выуживать трогательные воспомина-ния, выстраивая образ романтика-походника, но он молчал.

- Мне было лет пять-шесть. Родителей позвали от-мечать папин выпуск из училища – не то чтобы я помнила, они мне потом рассказали, – а меня не с кем было оставить. И мы поехали куда-то в лес. Этот старый желтый автобус. Мне долго еще казалось, что он наш. Потому что там была только родительская компания.

Я мало что помню. Едем в автобусе – и бах – мы уже в лесу, ночь, костер, песни под гитару. Все чер-но-оранжевое. Очень яркие улыбчивые лица, гром-

кие веселые голоса, которые разносились на весь мир. Потому что было темно и тихо и только мы не спали. Многие были парами. Мужчины оборачивали жен в куртки, женщины клали головы мужьям на пле-чи. Тихие поцелуи в волосы и лицо. Они передавали друг другу кружки с вином. А я, помню, очень радо-валась, что у меня была другая, не как у остальных, кружка. Большая, с паром...

- С паром?

– Да. У меня-то чай был. Алюминиевая, горячая. Ручка была замотана бечевкой, чтоб пальцы не жгло, но брать ее все равно приходилось через спущенные рукава. И она парила. Сейчас понят-но, что все те люди – они самые обычные. Так же ссорились, обижали друг друга, разводились. Но долго все это было иконой семейного счастья. Тайная вечеря. – Карина усмехнулась.

- Ну, сейчас никто не мешает...

– Да. Но и этого не делаю. Слишком накладно. Та-щиться в лес, готовить там, потом обратно, все перестирывать от дыма...

- А на самом деле?

Карина задумалась.

– Первый прыжок с парашютом – всегда первый. В какой-то момент просто испугалась. А если все выйдет не очень? И тогда это «не очень» останется более сильным и ярким и испортит то, красивое и теплое.

- Ну, у тебя же муж...

– Муж... Это ничего не меняет. Даже наоборот. От него будешь ждать чего-то и наверняка не до-ждешься. Да и не люблю нарочитость. Ведь чтобы получилось, должно хотеться в лес. А нам не хо-чется.

- Если бы знал, что все так, не разводил бы...

Тут же острая коленка ткнула его между лопат-ками. Костя едва не рухнул в костер. Он выудил из кучки дров несколько палок и подложил их в огонь.

– Сейчас все очень свободные. Раскованные, сек-суальные. Кажется, что не осталось ничего ду-шевного. Точнее, осталось, но ощущается чем-то постыдным. Проще раздеться, чем погладить по волосам и поцеловать в макушку.

- Я бы погладил и поцеловал, но сию слишком уютно.

– Пац.

– Отож!

Природа размеренно сопела. Невероятно длин-ный, мелодичный вдох, осторожно шевеливший кро-ны деревьев, шерсть спящих и недремлющих зверей, ласкавший черный глянec воды у подножия холма,

и камни на скалистых вершинах, ворсинки на тельце самых ничтожных насекомых и саму тьму – через все это проходила ночь, напиваясь множеством незначительных звуков и превращая их в совершенно особенный род тишины. Можно было не чувствовать отдельных нот, но густоту и значительность их общности не отменил бы самый закоренелый прагматик. Косте хотелось говорить с Кариной. Не от переполненности чувствами и мыслями – что-то толкало касаться ее, пусть только словами, но касаться. Но тишина ночи казалась слишком плотной, как насыщенный раствор: еще один звук – и в секунду ночь закристаллизуется и рассыплется в пыль.

Редкие острые порывы ветра давали пощечины костру, отдавая пару мимолетным жаром.

– Через пару десятков лет я вернусь сюда. Там, может, все перевернется с ног на голову, а здесь останется так же. Лес, пансионат, останки горнолыжного спуска. Пожилой мужчина, тяжело осваивающий холм. Подъем не больно-то крутой, да. Но у меня будут больные колени и сердце или спина и сердце. Рядом будет восхищенно крутить головой мальчик – сын или внук. Изю всех сил он постарается удерживаться от вопросов и слов. Слишком неприступно будет мое позерское молчание. Хотя тогда оно уже, может, будет просто возрастным. Здесь мы так же разведем костер. Шерудя палкой угли, стану кряхтеть что-то вроде: «Вы разводите костры, только чтобы их фотографировать...» и, может быть, расскажу про этот вечер.

Карина рассмеялась.

– Почему ты сейчас думаешь об этом? – спросила она через время.

Костя пожал плечами.

– Потому что сейчас я только предчувствую значительность этого вечера. Что-то в нем есть такое, из-за чего я его не забуду. Но сейчас я не могу его распробовать, переварить. Нужно время. Пара месяцев или лет. Как с картиной – нужна правильная точка, чтобы увидеть ее верно и полностью.

Дерзкий порыв ветра хлестнул по хлипкому шалашу костра, на секунду раздув угли и высветив всю поляну целиком. Пламя тут же стихло, ватные ветки кедра с легкостью разлетелись, и на месте кострища теперь пульсировала мутная оранжевая лужа.

– Пойду еще хворосту наберу, – тщательно вываривая гласные, сказал Костя и ухмыльнулся своей пародии на деревенский говор.

Костер медленно иссякал. Он хотел было набрать еще топлива, но Карина его остановила: «Скоро

надо будет идти». Как ребенка, его внезапно и остро ранила конечность этого вечера. Любой костер обречен когда-то догореть. Вечер зажмурился, чтобы прочувствовать, что она права и что нужно идти.

Угли стали черно-красными, растратив все тепло.

Костя стал замерзать, но стоящая позади Карина, ее тепло вязали руки и ноги, как постель поутру, и тот же утренний стон пульсировал в голове: «Еще минутку». И он был благодарен девушке, что не торопит закончить этот вечер.

Он весь сосредоточился на ее ногах, греющих его спину. Чувствовал, как это тепло делит мир надвое, объясняя одновременно нечто грубое, первобытное и самое что ни на есть потаенное, хрупкое.

– Я завтра уезжаю. – Он поднялся, но не повернулся к девушке.

Костя смотрел сквозь деревья, где у подножия холма прятался пансионат. Одна мысль о железобетонных конструкциях, электрическом свете, городах и существовании множества людей, кроме них двоих, разбила изящную радужную конструкцию внутри Кости, и за секунду все внутренности посекло ее летящими осколками.

– Знаешь, о чем я думаю?

– Знаю.

Костя удивленно обернулся на девушку.

– Думаешь, будет ли в твоей жизни что-то хоть наполовину такое же романтическое, как замужняя я и этот вечер, – улыбнулась Карина.

– И?

– И мы уверены в том, что будет. – И когда Костя повернулся, уходя, добавила: – Или нет.

Они начали спускаться по холму, и он взял Карину за руку, чтобы она не оскользнулась. «Или нет», – звучало в его голове по кругу.

– Или нет.

Костя знал, что воздух напоен запахами, десятками ничтожных ароматов, создающих неповторимую общность. Но не ощущал этого. Остро захотелось узнать, какова Сибирь на вкус. Он снова пообещал себе бросить курить и тут же обреченно усмехнулся.

Наверное, давно пора бы смириться, что есть что-то недоступное. Может быть, совсем рядом, и в то же время недоступно, как звезды.

Он обошел поляну по кругу. В тени поблескивала шершавая, чуть замшелая грань скалы. В несколько затяжек он докурив сигарету и залез на камень. Темнота окружила, почти обняла. Он уставился в небо и прислушался. Где-то внизу, далеко, лениво плескалась река. Он знал это, но услышать не смог.